тельной работы Нила над житийными списками, несомненно, заслуживает внимания: подбор Нилом тех или иных житий (и, может быть, тех или иных переводов житий), весьма вероятно, был как-то связан с его общими идеологическими позициями.[115] Но критического отношения к священному «писанию» в этих житиях мы не обнаруживаем, как не обнаруживаем в них случаев сознательного пропуска Нилом «чудес» тех или иных святых.

Для понимания мировоззрения Нила Сорского наибольший интерес, конечно, представляют его собственные сочинения. Говоря о «критицизме» Нила, исследователи пытались найти, как мы уже отметили, главную опору в его заявлении (в послании Тушину) о том, что «писания многа, но не вся божественна суть». Можно ли, однако, понимать эти слова в смысле противопоставления «божественного писания» (т. е. Библии) остальной церковной литературе, например писаниям «святых отцов»?

В древнерусском языке слово «писание» имело достаточно широкий смысл: оно обозначало всякое письменное сочинение или запись («обличители» говорили, например, о «писаниях» стригольников).[116] Церковь, издавна прославлявшая «почитание книжное», издавна же стремилась отделить от заслуживающей «почитания» «божественной» литературы «ложная писания», «богоотметныа и ненавидимыа книги». Перечни «отреченных книг», проникавшие из Византии, не раз появлялись на Руси: в конце XIV в. такой перечень был выпущен митрополитом Киприаном, в конце XV в. — митрополитом Зосимой.[117] Стремление выделить из массы «писаний» литературу «божественную» и, наоборот, литературу, не заслуживающую доверия, было свойственно и церковному деятелю XV в., которого историки обычно особенно резко противопоставляют Нилу, — Иосифу Волоцкому.

В «Сказании от божественных писаний, яко его же бог не повеле ведати, о сих не подобает пытати» (вошедшем впоследствии в «Просветитель» в качестве 8-го «слова») были подвергнуты, например, критике те «писания», в которых предсказывалась та́ или иная определенная дата «конца мира»: «...устремишася нецыи рещи и написати, яко по Христове воскресении тысяща лет до антихристова прихода... Абие нецыи нача домышляти его седморичен есть век настоящий» и т. д. Этим «писа-

---

[115] В этом отношении заслуживает внимания одно любопытное отличие текста рассматриваемых житийных сборников от минейного текста, бывшего в распоряжении иосифлян. В житии Николая Студита, содержащегося в Великих Минеях Четиях, рассказывается, как этот святой, «видя беззаконие многое», творившееся по вине императора, оставил монастырь и «иде в Пренет село монастырское»; далее упоминается, как он, «изгнан быв из сел монастырских, скитаяся пребываше» (ГПБ, Соф. 1320, л. 36 b, c); иосифляне видели в этом месте столь важный аргумент в пользу исконности монастырского землевладения, что Даниил цитировал его во время суда над Вассианом в 1531 г. (ЧОИДР, 1847, № 9, Смесь, стр. 6). В житийных сборниках мы читаем в соответствующих местах, что Николай Студит «иде в Пренет в монастырьское м е с т о» и «изгнан быв скиташеся» (Кир.-Бел. 23/1262, лл. 587 об. и 588 об.; Троицк. 684, лл. 465 об. и 466 об.). Сборники, связанные с Нилом, вернее передают греческий оригинал, чем Великие Минеи Четии: в оригинале упоминается «странноприимный дом» монастыря (ταύτης καταγωγίω), а отнюдь не село, и речь идет о монастырских владениях вообще (τῶν οἰκείων, Patrologia graeca, CV, стлб. 908—909). Откуда произошло замеченное нами расхождение: фальсифицировали ли иосифляне житие Николая Студита или искажение было уже в раннем тексте перевода, и Нил исправил его по греческому оригиналу? Для ответа на этот вопрос надо найти русский перевод жития Николая Студита ранее конца XV в. (если такой перевод вообще существовал до Нила); нам такой текст неизвестен.

[116] С р е з н е в с к и й, Материалы, т. II, СПб., 1902, стлб. 934—935.

[117] РИБ, т. VI. СПб., 1908, стлб. 789, № 117.